

12+

ДЕТИ СВОБОДЫ

Марина Ламар

Марина Ламар

Цепи свободы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=45274363

SelfPub; 2019

Аннотация

В этой книге собраны избранные произведения, написанные в период с 1999 по 2017 годы. В ней вы найдете поэзию, написанную в классическом и свободном стилях, стихотворения-эксперименты и переводы; а также прозу, в которой есть и трогательный реализм, и неожиданная мистика. В конце книги вас ждет небольшая душераздирающая пьеса для одного актера. Произведения пронизаны афористичной философией, психологизмом, пронизательной чувственностью и зачастую довольно экспрессивным, но логически точным и прямолинейным криком души.

Содержание

Цепи свободы	5
Раздел 1. Стихия стиха	6
Цепи свободы	8
Капелька витамина	11
В номере	22
Так или иначе	28
Сонет	35
Ты не лги мне	37
Учителя	42
На страницах суеты	59
Бокал	68
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Марина Ламар

Цепи свободы

Сборник избранных произведений

Раздел 1. Стихия стиха

Ветер стих, ветер стих, ветер стих,
Нежен голос тоски неизбывной.
Свежий стих, теплый стих, новый стих
Созревает размеренным ливнем.

Кто-то ждет, кто-то жжет, кто-то лжет
И не знает об искреннем зове.
Музы чувственной тихий полет
Вновь надежду берет за основу.

Не рифмует любовь с чуждым LOVE
Стихоблудие одиноких,
Недописанных автором глав
Слишком много под грифом «пороки».

В этих строчках потерянный слог
Метит рифмой в динамику ритма,
Ускользает теплом за порог
Без претензий, без права, без грима.

Жизнь полна океаном пустот,
Разносолом невыжатых звуков.
Лодки ищут утерянный порт,
А находят лишь щепки друг друга.

Ветер стих над стихией стиха.
Полный штиль обеспечен на вечер.
Как же буйно природа тиха.
Как же нежно забыл меня ветер!..

Цепи свободы

1

Наверное, точно
Уже обретенный голос
Пытается волком выть
И так изливаться чернилами
На белое поле бумаги,
Чтоб сердца биение
Громко стучало в словах
И отзывалось
Синхронно так,
Моно-скромно
И с выходом на удар.
А дальше конем,
Ферзем или даже пешкой,
Немного пешком
До вечно искомой нивы
Под названием «ЗОНА СВОБОДЫ».

2

Заведомо черный цвет
Пытается съесть рассвет
За рамами без стекла.
Весна тишину пекла

И притворялась манной
Не виртуальной.
Купол небес обжегся
Летом об осень.
Не было пульса под кожей.
Вышла, похоже,
Кошка-душа в окно,
Туда, где всегда темно.

3

В дыхания ритм вписавшись,
Слагается мысль,
Идет за терновым смыслом
(тернисто-новым).
И к пальцам стекается,
Что замерли в ожидании
Над черною клавишей.
И вот оно – нечто
На белой странице ворда.
Мигает курсор,
Стирая ненужные точки,
Напрасные запятые,
И рвется порвать кавычки.
Есть выбор – снести
То, что создано залпом,
Оставить, исправить

Рождения час
Молодого вина-стиха.
Но свобода бесполо
И слишком пуста в контексте
Урезания строк.
Оставить важнее.
Курсор начинает свой путь,
Невзирая на сдвиги-пробелы.

4

«Ты сердце для любви освободи».
Это было написано мною давно
в наивном стишке про попытку себе объяснить,
что для меня в мире рамок – свобода. По сути.
Ответ я нашла. Пусть банально, но это – любовь.

Капелька витамина

1

А ведь ты странная.
И привычка у тебя такая же – проходить мимо.
Тиха и до жути невзрачна,
А иногда шокируешь
Неожиданно, вскользь,
Случайно,
Роняешь меня нечаянно,
Толкаешь в спину.
И тут же подножку...
Порой доводишь до хохота,
А следом – до слез.
И ведь надо тебя терпеть
Такую, с тяжелым характером
И с манерой немой,
Насмешливо-убедительной
Доказывать правоту.
До чего же ты странная, жизнь...

2

И не важно, какие новости
Обрывают показ кина.
Пей до дна,

Пей до дна,
Пей до дна,
Одинокая правда.
Ты оберткою от шоколада
Слепо хрустишь в руке.
Как же хочется дура тебе
Правдой жизни прослыть враз.
Но ты за бортом.
Тебе только там место.
Ибо ты – якорь.
О свободе всегда потом.
Потому что ни потом, ни кровью
Невозможно ее постичь.
И не важно, какая дичь
На столе у матроса.
Капитан будет есть больше.
И это закон.

3

Растаю, растаю,
Расстанусь
С тобой.
Потому что устану,
Как у станка стоять,
Не будучи
Ни рабочей,

Ни балериной.

4

Пространно,
Наигранно,
Подобострастно,
Яростно
И контрастно
Выдумаю
Себя
Капелькой витамина
В средстве от кашля,
Вызываемого курением.
Прости на мгновение
Мою демаго...
Могу
Не взывать.
Прочти
Другие прибрежные строки.
Почти
Холщевую память мою
И лощенные точки.
Невмоготу?
Ту-у-у-у-у!
Поезд унесся.
Ты в зале

Не на вокзале.
Но ожидания.

нищий сидит
у баннера с рекламой
рука протянута
прохожие проходят
а на щите размашисто-призывно
краснеет слоган в золоте монет:
«Мы защитим вас
и ваши вклады!»

Свистели пули. Видимо, хотели
Сыграть «на вылет» в чьем-то теле,
Гладком, любого цвета
И возрастной категории.
А зрители сонно смотрели...
Подобие высоколобия – не щит.
Молчанием вышито

Терпения плотно.

И чей-то заляпанный крик

Слепцами отвергнут.

Удобно игнором брать

И с пафосом заявлять —

«я выше этого».

Вы можете быть выше,

Покуда не ваш ребенок

На мушке у террориста;

Пока не под вашим домом

Заложена бомба,

Вы можете сонными мухами быть,

Зубами бигмак корежить,

От пива жиреть, надеясь

На заморские беды.

Вам можно жалеть на словах

И, лениво тревожась по поводу

Севшего пульта,

Уставиться в потолок.

Вам можно.

Но вы, извините,

Нисколько не выше.

Вы с хатой вашей с краю

Пялитесь лоботрясно,

Питаетесь прозапасно,

Рябчиково-ананасно

И тешите самолюбие,
Якобы верой
В некие добрые силы,
Опять же свыше.

Сменив батарейки в пульте,
Вы выберете попсяж,
Отпишитесь СМС-кой
На чье-то – Привет, приятель,
Пойдем-ка в кино. На тридэ,
И вы согласитесь пойти
На какого-то Аватара,
Потому что он тоже частица той пыли,
Что в вашей сторонней хате.
Вдыхайте ее, вдыхайте.
Авось, поможет она вам быть выше
Песчаного дна.

Младенец на руках.
Милый такой, славненький.
Тянется к погремушке,
К теплу материнской груди,
На голос откликается улыбкой

И гукает.
Не ведает никто,
Что станет этот милый мальчик Ади
Адольфом Гитлером.

Роза красная
Роза синяя
Роза красная
Роза синяя...
В целом шесть роз
Ничего мрачного
Ничего романтического
Попался на глаза
Тарелки ободок
В ней суп
В нем кубик
Галина Бланка
И в этом жидком царстве
Ложка – вождь
По дну елозит
Рис вздымает
Как войско белое
На бой его бросая

С поджаринками репчатого лука.

Войну смело.

Остались только розы –

Свидетельницы самых разных войн.

Насмешки льются рекой бурлящей,

Смешки мешками таранят берег,

Чужие тени почти что наши,

И каждый выход уже проверен.

Полетом в космос смотай цепочку,

Нить Ариадны – в клубок, и – кошке.

Чужая ручка поставит точку

Не в завершение, а на обложке.

Черти лекалом пути из Сада.

Эдем под мифом скрывает искры.

Но черти знают, где двери ада,

И гадят птицы на струны лиры.

Недозаснеженный двор
Слякотью утром встретил,
Вылился острый ветер,
Холод сметая с гор.

В лужах асфальт щербатый,
Негде ногой ступить.
Рвется терпения нить
И кроется обувь матом.

Обрызгал громоздкий джип,
С крыш ливнево, как из ведер.
Я в город хотела, вроде,
Плюя на свиной грипп.

Желание выйти в люди
От вида двора ушло,
И все же ветрам назло
Решила я: будь, что будет!

Идеалы давно забыты,
Счастье выпито не до дна.
Мне вина показалась бытом
Там, где истина без вина.

Одеяла желают стирки,
Плачет звуками тишина,
Мысли стелются под копирку
Там, где истина без вина.

Одевает весна природу,
Не зияет окном стена,
Ничего не меняют годы
Там, где истина без вина.

На гвозде проржавела шляпка,
Шутят комики допоздна.
Мне не дарит весну фиалка
Там, где истина без вина.

Где-то, может быть, краше скверы
И намного теплей тона,
Но я выпью вина за веру

Там, где истина не видна.

В номере

Что значит мое небо подо мной?..
Летающий жест спешит застыть в искусстве.
Я где-то над... и где-то под Москвой,
Под простенькой, почти банальной люстрой.
Гуляет миф о прошлом не моем,
Хрусталь без печаль обожествляет.
Приснилась брешь, оставленная днем,
И память о чужом родимом крае.
Мечта в квадрате... Зеркало в углу,
И в бежестности дремлют занавески.
Я сброшу слезы, душу оголю
По-новому, по-взрослому, по-детски.

21.10.09

Липки

Струна, услышь соседнюю струну!
Звучи навзрыд,
как в миг последний самый,
когда не важно,

понят ли твой плач,
дошел ли он до сердца.
Что мне звон,
когда колоколов не слышат стены
церквей старинных.
Ветхие строенья
чего-то ждут,
но только не дождя.

Не умею я верлибрить.
Вы уж простите меня, гре...
У кого прошу? У читателя,
Молча спящего в янтаре?
Сивый бред?
Или просто кобыла сдохла?
Отклонилась от темы, но
Мне уже не темно
В мрачных образах тучных мыслей.
Потому, не жалея сна
(или времени на него),
Я кричу, что горит весна,
И подсказки ловлю в колодце
Воспаленной души моей.

Если небо уйдет под землю,
Обозначится авангард.
Если щукой об лед Емеля,
Значит, сказочник виноват.
И тогда продолжать смысла нет,
Даже если вдоль гор позолота.
Я всего лишь копье у мельницы,
Позабывтое Дон Кихотом.
Даже если погода изменится,
Я не стану писать роман,
Утешая родное «Я»,
Потому как добавить нечего.
Все, что новое – плагиат.
Я могла бы воскликнуть: «До вечера!»,
Бросить фразу: «Я знаю себя!»,
Но скажу, как сказал Сократ...

Скользят машины, фарами сверкая,
Вдоль набережной стелется туман,
Спортсмен бежит, летит по небу стая,
Огни томятся в крашенных домах.
Слоится вечер, дразнит фонарями,
Случайный ветер просится в рукав...

Хочу сказать о горьких чувствах прямо,
Но не могу, прости меня, никак.

Геометрия улиц
меня довела до срыва.
За плакатом небес
глухота бесконечной глуши
говорит не со мной.
Я хожу по квадрату кругами
и теряю пунктир на пути,
уводящем в тоннель.
А в конце – яркий свет...
На стене нарисован гуашью.

прошлое
прошедшее
минувшее
былое...
сколько наслоений

на ушедшем слое
сколько слов о бывшем
и пережитом
снова
вновь и
заново
стоны не о том
было или было бы
важно ли теперь?
(если или если бы
приоткрылась дверь...)
что сейчас?
себе назло раны беречь?
или дальше продолжать
быть (или не быть)?

У выхода из метро «Дидубе»
Мне бросился в глаза твой взгляд –
Призывно-вязко-умоляющий.
В нем было что-то от усталости,
Привычки, грусти и терпения.
Я поняла, в чем дело, удивилась,
И мне приятно стало оттого,
Что принял ты меня за ту, что любит
Ловить такси.
Мерси за комплимент.

Дай бог, когда-нибудь...

Но не проси, таксист, меня сегодня

В твой фордик сесть.

Напрасно тратишь силы.

Я все равно пойду домой пешком.

Так или иначе

1

Мне сон не дарит видимость надежд.

А что реальность? Поиск-ожиданье

И тихий всхлип в подушку.

Выход ждет,

когда найду его я в лабиринте

пустых ходов.

Пока не нахожу.

И как застывший времени отрезок,

фрагмент штриха не начатых картин,

я говорю, глотая чувство меры,

как витамины:

«Вечность на кресте.

И высота, как образ униженья,

в моей душе сознанием живет

и продолжает ждать непроизвольно,

что солнца луч тоннель преобразит».

И знаю ведь,

что миф уже придуман,

уже дописан,

есть конец в конце,

но что-то изменить желает сердце,

поющее в терновнике судьбы.

2

За все.

За что?

Простить

или придумать

другую роль

и зря в нее играть?

Зачем назло

ползти червем по сцене,

когда щеглы глядят из-за кулис?

И если даже бабочкой раскрыться,

не хватит воли

небо покорить.

За то,

за что платить уже нет смысла,

я до сих пор плачу,

сжигая мост.

Зато мне есть,

за что еще цепляться,

вися над пропастью.

Слетело вниз камней

немерено,

и знаю, что слетит

еще с полсотни.

Я переживу

своих обид нахальные порывы
и буду продолжать взбираться вверх,
роняя взгляды, слезы и слова
на скалы, на песок или на ниву.
И что-нибудь да вырастет
назло или во имя.
Но, так или иначе,
цветы, плоды созреют для стиха.
Другого смысла жизни мне не видно.
Другие смыслы отданы другим.

Вот снова с небес на землю
Меня опускает явь.
Я сердцем жила неделю,
Но разум, как прежде, прав.

Мне выводы так надоели,
Но делать их надо, увы.
Была я счастливой неделю.
Сомненья ж, как прежде, правы.

Я страхам нашла пределы,
Не веря глазам своим.

Хотелось продлить неделю,
Но чуждыми стали дни.

Ночами одна, как прежде,
Подушку обняв, реву.
Сгореть не даю надежде
Во сне, но не наяву.

Я столько сказать хотела,
Поставив судьбу на кон...
Но память о той неделе
Опять убивает сон...

Где же ты?
Много о старом песен,
вкус искажает плесень,
дыры царят в карманах.
Где же ты, манна?

Кости сезонно ноют,
Дети готовы к бою,
Раны цветут на ранах.
Где же ты, манна?

Овцы с панелью дружат,
Море поет о лужах,

Нынче твердят о нано.
Где же ты, манна?

Вредной привычкой больше,
Компас вины изношен,
Логика лжет с экрана.
Где же ты, манна?

Веру сомненья гложут,
Делят морщины кожу,
Истина снов туманна.
Где же ты, манна?

Едет от ветра крыша,
Душу душа не слышит.
Как мы любили раньше
Манную кашу!..

Бетонные двери,
скрипучие стены,
цветущие корни,
а кроны – в земле.
Держа свое знамя,

стоят на коленях,
и в белом танцуют
на черной золе.
Война миротворцев
не терпит заминок.
Пути непутевых
в путине давно.
Сгорел Буратино,
увлекшись камином —
свое назначенье
познало бревно.

Какая наука мне даст объясненье,
Откуда берется тоска?
Пробел бесконечности делит мгновенье,
Цепляясь за свет маяка.
Молитва беззвучная льется в сознание,
Смешав оправданье с грехом.
Душа одиночества жаждет закланья,
В ночи изливаясь стихом.

Намек на сонет
Прошли века, свою оставив лепту,

Историю в тома переплетя,
Даруя ноты старому сонету,
Английскому, французскому,... хотя...
История – хождение по кругу,
По граблям, по углям, как ни крути,
Повсюду ложь: врагам, себе, друг другу,
И сложно сбиться с этого пути.
Другая песня может быть о главном,
Но главное у каждого свое.
Кому-то ад покажется нирваной,
И это тоже будет ход конем.

И кто бы что в подтексте ни нашел,
Его случайный выбор предрешен.

Сонет

Твои слова легли в основу прозы,
И сказанного больше не вернуть.
Печально запылилась мыслей суть,
Случайные презрев метаморфозы.

Души твоей кусачие морозы
Прожгли насквозь прощанья долгий путь.
Занозой колет подлое «забудь»,
А воли нет остаться без занозы.

Ты был. И я придумывала рай,
Жила тобой, питалась вдохновеньем,
И верила, что жизнь ко мне добра.

Разлука разминулась с объяснением.
Забыть тебя пыталась я вчера.
Сегодня вдруг пришло стихотворенье.

Пылится день. Пустынно на душе.
Теряю мысль. Намеренья туманны.

Смотрю наверх, не ожидая манны,
Гоню к чертям избитые клише.

Крадется ночь. Дороги в неглиже,
Все явственней фонарятся обманы;
Дыханье ищет, ждет и ловит прану
На самом, на последнем этаже.

Слезам нет места, страха нет в помине.
Проснулось утро, вырядившись в иней;
Дремавший ветер ожил и запел.
Забылся сон. Воспоминанье стынет.

Опять реальность. Снова много дел.
Под маской быта прячется пустыня.

Ты не лги мне

Уронив тишину мне на плечи,
Эта ночь обнимала мой сон.
Догорали небесные свечи,
Угасая с луной в унисон.

Ты не лги мне, безумное сердце,
И так рьяно не рвись из груди,
И не рви тишины полотенце,
Ты его в гулком шуме найди,
И страхни огрубевшие раны,
И соленую горечь смахни.
Мой рассудок размашисто-странный
Пару раз мне уже изменил –
Он за чистую выдал монету
То, к чему прикасаться нельзя,
И, даруя искусственность света,
Он оставил мечту без огня;
Очертил, как покойника, мелом
На асфальте разбитой судьбы...
Я могла, но, увы, не умела
Делать то, что умеют рабы.
Тихо манит заоблачной далью

Теплый выдох ветров неземных.
Мои мысли ночные устали —
Не спасают их мутные сны.
Ты не лги мне, соленая капля,
Что с ресницы слетела моей.
Ты не думай, что радости мало
В этой жизни отмерено мне.

Я стояла над пропастью долго
И не видела дна в темноте,
Уронила себя перед Богом,
Повторяя слова, да не те...
Я молитвенных фраз не искала,
Признаваясь в терзаниях души.
Эхом вторили голые скалы,
Отражая мой стон от вершин.
Я Кавказом дышу, задыхаясь
От рыданий и мыслей своих.
Крик ослаб, но зовет, не стихая,
Посвященный страданию стих.

Сгущает краски плотность тесноты,

Засвечивая пленку чувств высоких.
Мой страх заговорил с судьбой на «ты»,
Расчерчивая цельный взгляд на блоки.
Я логикой могла бы пренебречь
И разметать сгустившиеся краски,
Взяв не перо, а высшей пробы меч,
И кровью накормить – так, для остротки.
Но с красным перебор. Его огонь
Уже испыт смирением повсюду.
Работающий Подлости Закон
Благословил на царствие Иуду.
Разлито масло. Ждет моих шагов,
Поблескивая золотом на солнце.
Не мой роман. И взгляда блеск другой –
Почти немой, без тайны, без эмоций.
Но так и быть, я эту роль сыграю,
Чтоб выпал снег на пепельную гладь.
Про счастье пьеса все еще сырая,
И не дано ее мне дописать.

Окунается солнце в туман,
Не давая лучам разгуляться.
Воздух странно игрив, словно пьян.

Насекомые кружатся в танце.
Ветер кроны лизнул и иссяк,
Чтобы вновь пронестись по долине.
Дождик взял и прошел, как босяк,
Замерев в кружевах паутины...

Пыль времени осела на пейзаж.
Проходит день бесповоротно наш.
Пугаешься возврата в тишину
И в старую, случайную вину.

Прощенье не озвучено пока,
Прощанье прозвучало свысока,
Последний иероглиф смыт волной
И новой необъявленной виной.

Напустит туман
осенняя снежная пудра,
день спрячется мудро

В ПОМОИ ИЗ СПЛЕТЕН,
НО БУДЕТ ПО-СВОЕМУ СВЕТЕЛ.

Учителя

Как одиноко падал город
В непредсказуемость ночи.
Я помню, как сгущался холод
И как он жить меня учил.
Луна монетой серебрилась,
Глядела в лужи-зеркала.
Она тоске меня учила,
И я вникала, как могла.
Напоминали перец чили
Слова, звучавшие в бреду.
Они страданию учили,
Имея божий дар в виду.

Гудит эфир.
Лучи коснулись окон.
Упал последний локон,
и целый мир
упрямо-однобокий
уже забыли боги
под звуки лир.

Подспудно, ненароком
выходит горечь боком.
Ни с чем факир.
За ругани потоком
звучат другие строки.
В золе мундир.
Вы скажете – жестоко,
но в мире одиноких
чума и пир.

Уже не считаю нужным
тебя оправдывать;
уже не считаю нужным
тебя любить;
уже не считаю нужным
тебя обманывать;
уже не считаю нужным
тебя корить.
Уже не считаю нужным
тебя.

То ли я не сказала «да»,
То ли ты мне ответил «нет».
То ли паром ушла вода,
То ли камнем лежит на дне
Твой паром. Жаль немного мне,
Что не слышала я тогда
Твоего рокового «нет»
На мое холостое «да».

Забываются сны,
Предвещавшие мне тебя,
Забываются дни,
Что остались в немых тенях.

Годы снова берут,
И не только свое, увы.
Поддается перу
Лишь последний абзац главы.

Забывается миг,
Подаривший в ночи крыла.
Забывается крик,
За которым любовь была.

Солнце молча палит,
Невзирая на цвет ружья,
Тихо плачет Лилит –
Луноликая тень моя.

Забывается мост,
По которому шла любовь,
Забывается гость,
Испугавшийся теплых слов.

Все худей календарь,
Все нахальней судьбы счета.
На удар – вновь удар,
А в запасе побед тщета.

Занавеска клеткою рябила,
Кружева сливались с бахромой,
Детство незаметно проходило

Белой незапятнанной тесьмой.

До сих пор все та же занавеска
С выцветше-поблекшей белизной.
На нее тепло смотрю, по-детски.
А за ней окно. За ним темно.

Вечер, ветер, шум шагов,
Лунный кокон вяло светит,
Серый ворох стен-оков
Вьет веревочные плети.

Хлест дрожащего белья
Нагнетает беспокойство,
Тени черные манят
С нарастающим упорством.

Темнота еще темней,
Глубже вырытые ямы
В окружении камней
Предрешенной кары-кармы.

Почему-то боюсь не успеть
Дописать, досказать, допеть.
То ли виден конец пути,
То ли все уже позади.

Почему-то боюсь понять,
Что уже не нужна себе.
Я пытаюсь душе солгать,
Имитируя взмах-разбег.

Почему-то боюсь не тьмы,
А чего-то, что режет слух.
Я и ТЫ не сложились в МЫ
В этом мире навозных мух.

Почему-то боюсь весны,
Рамок времени, что тесны.
Мемуары – удел не мой.
Мне пора. Мне пора домой.

ико да ара ико ра
ико эрти арараоба,
маграм ар ицода
ром ико¹.

Жил да был.

Да не знал, что был,
потому что
знать было незачем.

А чемпионами
пустые звуки не становятся.
Ищите связь.

И да обрящете вы знание себя!..
А торжество над ничтожеством
вредно для репутации.
(человека и целой нации)

осенний медленный стриптиз
в ночной вуали

¹ С груз. «жило-было одно ничтожество, но не знало, что оно было».

туман задумчиво повис
прикрыв детали
при новостройках старина
дворов гниющих
вдоль колеи судьба видна
кофейной гущи

Шаги отмерены безумством.
Вне – предначертанная ложь.
В своих глазах цинично-грустных
Ты вряд ли след слезы найдешь.
И в самой смелой из попыток
Я не рискну дразнить твой блеф.
Клубком пушисто-красных ниток
Я подкачусь, мой светский лев.
Игра, приправленная шармом,
Сведет на нет или с ума.
Сегодня ты в моей программе.
Когда уйти, решу сама.

Что стоит устоять среди устоев?
Немало нервов.
Суть давно в вещах.
И то, что хлам пока ценнее духа,
Не удивительно.
Уместней не вздыхать,
А называть процесс
Закономерным.
И дальше спать,
Приемлемость цenia
Дороже чувств,
Пропитанных слезами.
Таков закон навязанной привычки.
Суют тебе буклет суетных лет,
И ты, его рекламами питаюсь,
Теряешь то, что крыльями звалось.
И, этого надежно не заметив,
Ты снова уповаешь на авось...

Судьбы отрывистые кадры
За 20 утренних секунд
Вдруг показали, где мне рады
И где меня уже не ждут.

А сколько было дружелюбий,
Попыток искренно сиять.
Их принимала честно, тупо,
Как недолюбленный паяц.

Вся эта прелесть маскарада
Так часто в тень мою рвалась,
Что даже громкая награда
Напоминала чистый фарс.

Мне снова снятся полумеры
И вдоль ручья туман седой.
Квадраты, втиснутые в сферы,
Своей пугают чередой.

Тоска, одетая в улыбку,
Бросает вскользь “пока-пока!”
На почве сумеречно-зыбкой.

Мерещит свет от маяка.

Всего лишь сон. Контачат нервы
В подкорке спящей головы.
Вдоль мыслеформ души посева
И фраза сына: «Все мертвы».

Ему тогда всего два года.
Он только начал говорить.
За шторой чудная погода...
В «Что, где, когда» объявлен блиц.

Опять позднеет слишком рано.
Теряет фору время дня.
Когда-нибудь оно старанит
И превзойдет само себя.

Когда-нибудь и я поставлю
Другую цель на потолке
И, обнаружив рядом грабли,
В одном их вышвырну рывке.

Пока же все покажет время.

Заказы брошены в астрал.
Любви наваристая тема
Всегда приливна и остра.

Другие темы, вне сомненья,
Врываться будут в прозу дум,
Но, если надо, на коленях
До алтаря любви дойду.

Для чего?
Почему?
Зачем?
Не для прессы.
«Почем свобода?» —
Было выбито на мече.
Отвечали не словом — делом.
Вывод где-то
В другом ключе.
Выход там же.
И он ничей.

Мне скоро стукнет...
Что ни говори,
А сороковка тихо подкатила.
Горят у дома робко фонари...
Все та же тесноватая квартира...
Все те же улицы, аптеки, грязный двор,
Попытки выйти жгуче-тупиковы,
Судьбины неизменный приговор
Меняет и перчатки, и оковы.
Мне скоро сорок.
Как ни тормози,
Уже саней скольжение не замедлить.
На вираже ушедших в Лету зим
Я все еще твержу: «мне 29».

На крыльях, на иголках, на словах,
На шум дождя ответные напевы...
На этом свете пишется глава
Под номером давно уже не первым.

На ниве, на пороге, на лету
Ловлю намеки снившегося лета.
Ах, если бы вчера была в цвету
Несущаяся в ночь седая Лета.

На веру, наудачу и назло
Напрасное желание томится,
Пуская настроение на слом,
Но хочет видеть лики в спящих лицах.

На долю, на дыбы, на шаг, на кон.
Каких ходов не сделано под мухой?!
Казалось, убежали далеко.
Ан нет, стоим. И жадно верим слухам.

На грех, на совесть, навзничь, на ура,
На «хоть бы хны» и пару слов покруче
До самого не раннего утра
Мы снова поднимаемся по круче.

Навзрыд, на вкус, на цвет, наперебой
Взрываем гнев у входа в безмятежность.
И злобно обитаем над средой,
Искусственно внося в искусство свежесть.

На ощупь, напоказ и на ходу
Паркуемся за резким поворотом.
Меняя доминошек череду
На струнный строй, дающий фору нотам.

На «Вы» мы перейдем, наверняка,
Поскольку ты упрямо малодушен.
Все суше и беспочвенней тоска
Вдоль кораблей, ржавеющих на суше.

На память дай мне слово наяву
И перестань так жалко жалить стёбом.
Наивно наобум не позову,
Зачем давить напраслиной на нёбо?

Прими меня обильно натошак
И поперхнись, чтоб мало не казалось.
И пусть звенит насмешкою в ушах
Моя самодостаточная жалость.

Замедленная съемка волнореза
Оставила свой след как тема дня,
Задетая бездарно желтой прессой,

Где стало опечаткой слово «я».

Идет волна большая, с белым гребнем,
И падает всем весом на бетон.
Мелькнула мысль об отдыхе, о летнем.
О тщетности подумалось потом.

Вода сползла, втянулась и набухла,
Переросла разбитую волну
И вновь пошла на «нож», как символ духа,
Зовущего напрасно на войну.

Смотрела зачарованно, следила
За тем, как буй картину дополнял.
Рождалось понимание слова «сила»,
Которой нет сегодня у меня.

Я есть волна, и я же режу волны,
А бурый буй, как блеф моей судьбы,
Похожей на стакан, отчасти полный
Не смыслом жизни – фразой «если бы...»

На междометиях

беседа состоялась,
но дальше не пошло.
В карман полезли,
но даже там
мы слов не наскребли.
Пожав плечами,
слабо отшутились,
а дальше – больше –
молча разошлись.

На страницах суеты

1

С поверхности мира
испаряется человечность,
и некого попросить...
(Вы снова о деньгах? Тогда простите.
Я о другом).

Листая дни беспечно,
свернулся год,
свою собравши дань.
И пропустить хотелось бы уроки
суровой жизни,
вечно задающей
не те вопросы и тона не те.
Разлад всегда готов, как выстраданный принцип,
как никому не нужная война (полов, т.д., т.п.)
И то, что где-то мир возможен,
уже не факт, а логика утопий,
бравурный звон словесной пустоты.

2

И то, что свет накладно электричен,
не значит, что светлеет темнота.

Ночную глушь тревожа фейерверком,
цепляем небо искрами и лжем
самим себе, спасая в сердце радость
и воскрешая веру в чудеса.

Но человечность этим не спасти.
Она уже в последний свой круиз
отправилась
на лайнере.
Удобно
кричать о безответственности слуг.
Но ничего так просто не уходит,
когда клеймо впечатано уже
в раскрученную ленту новостей.

Расцвечен Восток рассветом,
Разум пресен, слегка рассеян.
Наслаждайтесь живым моментом,
Книжники и фарисеи!

Подо льдом притаились раки.
Подлецам не нужна Расея.
Упивайтесь чужим подарком,

Книжники и фарисеи!

Распушился апрельский воздух,
Позабыты убийцы-сели.
Вы несетесь, не зная броду,
Книжники и фарисеи!

Колыбель не колеблют руки,
Нет у грешников Моисея.
За собой застолбили флюгер
Книжники и фарисеи...

В полуметре от полноты
Полу-ангел – полудемон
Полусонной пустоты
Полушепотом читает
Полуночные черты.

В полусладком винном граде
Монотонных полумер
Он стоит на полустанке –
Полуголый лицемер.

Полутонно звук роняет
Полоумная гроза
Скрипка ветра дразнит скрипом.

Дверь опять закрыть нельзя.

В полукруге недосказов
Не до сказок малышам.
Тесен кров у полукровки,
Но полна его душа.

И за ней приходит демон,
Пряча ангела в тени.
В полушария одеты
Приглушенные огни.

В полушубке прогулялась
Полуправда вдоль окна.
В полутьме скопила силы,
Чтобы капать допоздна.

То ли пуст наполовину,
То ли полон тот стакан.
Ночь сольет воды немного,
Переполнив океан.

То ли ангел, то ли демон,
Полукругом срезав путь,
Получить не сможет душу,
Но успеет обмануть.

Не слышит разум сердца моего
(Высший Разум),

Ибо глупое оно
(сердце).

И мне жаль его
(Высший Разум),

Ибо сила в глупости его
(сердца).

Где твое сердце, Разум?
Не в наших ли глупых сердцах?

Без поллитры
не разобрать,
что можно,
что нельзя
брать
братьям у

братьев.
Убрать ген
взятия (Бастилии)!

Не проси о прощении, демон.
Мне ли мелом чертить на белье?
Ты моя ярко-серая тема,
Ты мой чертик на черном коне.

Не проси не забыть. Не забуду,
Мне ли временем сердце лечить?
Ты мой искренний, верный Иуда,
Раздающий чужие ключи.

Я прошу не просить о прощенье.
Мне ли что-то тебе обещать?
Ты осколок, оправленный тенью,
Что разрезал души моей гладь.

Не дави откровеньем на жалость.
Мне ли мелочь ловить на мели?
Черно-белая пленка осталась.
Сценарист с режиссером ушли.

Когда за дверью океан,
А за окном решетка,
Ты можешь думать, что обман
Всего лишь сон короткий.
Но вывод, как ты ни крути,
Не даст тебе свободы.
Есть нечто где-то впереди,
Не знающее брода.
Дорога может выпить ночь
Из чаши горизонта,
Чтоб шаг за шагом превозмочь
Стремление к полету.
Но ты останешься ни с чем,
Предчувствием гонимый,
Ты будешь к сердцу глух и нем,
Как гений пантомимы.
Плешивый лес твоих границ
Давно усеян пнями,
И в мире преданных темниц
Ты зря меняешь рамы.

Удалю-ка тебя дэлетом,
В одночасье стерев все файлы.
Это сделать могла бы летом,
Чтобы ты оставался тайной.
Но, увы, прочитала коды,
Разгадала пароли мая
И на сайте своей свободы
Обозначила клик «жива я!»

Окно подсказало,
куда и когда мне смотреть,
каким облакам
доверить невнятную тайну.
Оно приоткрылось,
а солнца горячая медь
осталась у неба в кармане.
Усталость клубилась
у клуба седых печалей...
Отчалить отважились мысли

о девственной тьме.

Другие удачно

почти безнадежно отстали.

К виску указательный тянется...

Кто здесь в уме?

Бокал

Дремал в бокале солнца свет
И радугой сверкал.
Хотел быть полным он, но нет –
Пустым стоял бокал.

Он помнил игры пузырьков,
Коктейля аромат,
И привкус соли был знаком,
И трубочек парад;

Лимона дольки помнил он
И кубики из льда.
Однажды звякнуло о дно
Кольцо при слове «Да!»

Бокал бывал на вечерах
Красивых VIP-персон,
При самых выпренных словах
Дарил хрустальный звон.

Он видел много ярких губ,
Что жаждали вина.
Впитал он смех, дыханье, гул

И выкрик «пей до дна!»

Без дела он почти что год —

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.